

Год издания XX

С М Е Н А

Издательство „Правда“

№ 20

О к т я б р ь

1 9 4 3

Л и т е р а т у р н о - х у д о ж е с т в е н н ы й и о б щ е с т в е н н о - п о л и т и ч е с к и й ж у р н а л
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

Чехов и Россия

«Если людей топить и вешать, — сказал Самойленко, — то к чорту твою цивилизацию, к чорту твоё человечество! К чорту! Вот что я тебе скажу: ты учёнейший, величайшего ума человек и гордость отечества, но тебя немцы испортили. Да, немцы! Немцы!»

Антон Чехов «Дуэль».

Одно и то же слово в один голос сказали о Чехове три писателя, очень разные люди, знавшие его в разное время.

Пётр Сергеевко, который учился с ним в таганрогской гимназии и смолоду встречался в Москве, отметил в своих мемуарах, что в юности у Чехова было лицо «русского милويدного парня».

И буквально то же самое записал о нём Владимир Короленко, познакомившийся с ним гораздо позднее:

«В лице Чехова, несмотря на его несомненную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушного деревенского парня».

И то же самое отметил в нём Александр Куприн, познакомившийся с ним уже в годы его предсмертной болезни:

«Было в нём что-то простоватое и скромное, что-то чрезвычайно русское, народное, — в лице, в говоре, в оборотах речи».

О его говоре существует свидетельство Вл. И. Немировича-Данченко:

«Дикция настоящая русская, даже с каким-то оттенком чисто великорусского наречия».

Горький, вспоминая свои беседы с Толстым, сообщает, что Лев Николаевич, отозвавшись очень сурово о каких-то писателях, обратился к Чехову и мягко сказал: «— Вот вы — русский! Да очень, очень русский».

И, ласково улыбаясь, обнял Антона Павловича за плечи:

«Должно быть, эти очень русские качества Чехова сильно бросались в глаза, если даже Бальмонт написал ему на одной своей книге:

«Художнику с истинно-русской душой». Комментариями к этой лаконической надписи могут служить следующие слова Сергеевко:

«Во всех его действиях, особенно в его произведениях, так и просвечивается молодая душа русского народа, с её поэзией и юмором... Чехов и с внешней стороны являл типический образ русского крестьянина. В редкой деревне не встретишь крестьянина, похожего на Чехова, с чеховским выражением лица, с чеховской улыбкой».

Хотя Чехов родился на юге, у Азовского моря, и часто называл себя в шутку «хохлою», но мать и отец его были великороссы из центральных губерний, и он, коренной обитатель Москвы, по своим вкусам и навыкам являлся одним из типичнейших

русских людей. И его правдивость, и его простота, и его ненависть к позе и фразе, и его скромный, некричащий, непоказной героизм — всё было в нём народное, русское. И Россию любил он такой же непоказной, некричащей любовью. Конечно, многое в тогдашней России было ему ненавистно, ибо, по его ощущению, уродливые формы той эпохи не давали русскому человеку развернуть во всю ширь свои природные качества, но Россия сама по себе, в основе своей, была для него раньше всего воплощением великодушья и победительной силы.

«Глядя на улыбающегося мужика, на мальчика с громадными рукавицами, на избя, — говорит герой его рассказа «Жена», — я понимал теперь, что нет такого бедствия, которое могло бы победить этих великодушных людей, мне казалось, что в воздухе уже пахнет победой, я гордился и был готов крикнуть им, что я тоже русский, что я одной крови и одной души с ними»¹.

Этот чеховский герой был вначале озлоблен и немощен, но, едва он почувствовал кровную связь со своим «сильным», великодушным, «непобедимым народом», он стал счастливее и духовно окреп.

¹ Так было напечатано в первоначальной версии рассказа «Жена», но впоследствии Чехов сильно укоротил эту фразу.

И не было такой эпохи в жизни Чехова, когда бы он усомнился, что «сильные и великодушные» русские люди одолеют любые препятствия и выйдут победителями из всякого боя, на который наболтают их недруги.

Восхищаясь Д. Н. Маминим-Сибиряком, замечательным богатырем Урала, Чехов выдал в нем раньше всего непобедимую природу: силу. Там на Урале дошли бы все такса сколько их не толкали в ступе, а они всё зерно, а не мука. И утверждала, что «мы становимся всеюо, тогда, читая уральские книги, он подмечает между «стих сильных, цепких, устойчивых, черномышных людей».

Верить или не верить в Россию, в этих «сильных, цепких, устойчивых черномышных людей», в то что они могут сделать великое будущее, — такого вопроса для Чехова даже быть не могло, потому что весь его жизненный опыт, всё его беспримечное огромно значившее русское действительности внушало ему твёрдую уверенность, что у такого народа не может не быть самого великодушного будущего.

Во время своей поездки на каторжный остров после мучительного изгнания по бедламским Сибири приёма, наконец, к бератам Енисея и записал в своём путевом дневнике:

«...На Енисее жизнь началась стеном, а пожитье удаётся, как ни в чём не бывало. На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напоминающие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. И стоишь и думаешь: «Какая полная, умная и смелая жизнь светит со временем эти берега!»

И не только берега Енисея, но и всю Россию, потому что русский народ раньше всего одухотворён и талантлив. С этой талантливостью Чехов настойчиво твердил в своих книгах и, даже умирая, в предсмертном письме из Германии пишет, что в немецкой жизни, по сравнению с Российской, «он чувствуете ни одной капли таланта ни в чём, ни одной капли вкуса». «Наша русская жизнь», — утверждал он, — «гораздо талантливее». Это написано в конце всей жизни, посвящённой изучению России, и знаменательно, с каким благоговением относился он к русским людям, свидетелям своим талантам или своим талантам о духовной величии народа.

«Я готов стоять день и ночь почётным караулом у крыльца того дома, где живёт Пётр Ильич Чайковский, до такой степени я уважаю его», — писал он в 1890 году.

Он посвятил великому композитору свою лучшую книгу и, посылая ему её, в дар, написал:

«Я посылаю бы (Вам) даже солнце, если бы оно принадлежало мне».

«Таких людей, как Пржевальский, — звали он в письме, — я люблю бесконечно». И тогда Пржевальский скончался, Чехов написал о нём в газетной статье, что такие люди «стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг. Их идеальность, благородные честолюбие, интересе в основе часть родине и науки, их упорство, инстинктивные инстинкты, опасностями и искупение личного счастья непобедимое, стремление к раз замечательной более богатство их знаний и трудолюбие делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу».

С такой же горячностью отзывался он в своих письмах и книгах о многих других «подвижниках», носителях этого «непобедимого русского духа», — о Салтыков-Щедрине, о художнике Крамском, о композиторах Бородине и Даргомыжском, о ботанике Гимирьеве, о замечательных русских путешественниках Невельском, Бонинке, Полякове, «совершавших изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека».

Всё это творчество так спаяно с русской природой, что великий типический великорусский пейзаж давно уже у русских людей называется чеховским. Жена Чехова

писала ему в Ялту из подмосковной деревни:

«Я всё думаю, как ты удивительно подходишь к этой чеховской природе, к этой шире, к полям, лугам, озерам, уютным тенистым речкам».

В русской природе он чувствовал раньше всего её огромность и силу. «Иной раз, когда не сидеть, — говорит в его письме Любопытна, — я думаю господи, ты даи нам громадные леса, необятные поля, глубочайшие горизонты и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами».

Что-то необыкновенно широко, размашисто и богатырское тянулось по степи вместо дороги, — читав в чеховской повести «Степь». — То была серая полоса, хорошо вымытая и покрытая пылью, как все дороги, но шириной в несколько десятков сажень... Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Можно было бы подумать, что на Русь ещё не переехали громадные, широко шапчатые деды, вроде Ильи Муромца и Соловья Рабобойки, и что ещё не вымерла богатырские коняи.

Никогда не погасла в нём любовь к этой своей Величии, к её «громадным лесам, необятным полям, глубочайшим горизон-

Антон Павлович Чехов.

там». И больше всего ненавидел он тех, кто не разделяет с ним этой любви.

«У них ни патриотизма, ни любви к литературе, а одно самолюбиво», — писал он о некоторых современных ему беллетристах.

«Жизнь без отечества» он не может простить никому. С чувством гадливости, обличая в своём «Рассказе о безвестности» такса одним высшей петербургской бюрократии восьмидесяти лет, он набодает мерзостным проявлением этого динизма стесняя и неуважение к жизни. Эти люди в рассказе Чехова «о смехом каещущу на Россию и на русский народ, который будто бы «изворованы, силасы, извезены», и уже одного этого было достаточно, чтобы Чехов унизил «всех «углубленных животных» с «проклятым холодной кровью».

Много лет спустя он вспоминала, как одно сознание, что он возмущен в родную Москву, окрашивало для него в светлые краски даже то, что при другом обстоятельстве, пожалуй, не доставило бы ему удовольствия.

«Впечатление, одним словом, оказалась роскошное, быть может оттого, что я возвращалась на родину».

С умбкой пониманием и сочувствием изображает он в своём «Сахалине» мечты русского простого человека, изгнанника о родной земле, о России. Эти мечты он формулирует так:

«...В России всё прекрасно, уютно; своим смелая мысль не может допустить, чтобы в России могли быть несчастные люди, так как жить где-нибудь в Тульской или Курской губернии, видеть каждый день избы, дышать русским воздухом само по себе уже является счастьем... Тоска по родине выражается в форме постоянных воспоминаний, печальных и трогательных».

Патриотизм Чехова сказывался не только в его сочинениях, но только во множестве его дела и поступков, но и в ненаймном альбюметстве к России, ко всем её людям, осоловшим, племенам, городам. Нужно было, действительно, обладать жаждой до самозабвения интересом ко всему, что творится в России, чтобы к 25-летнему возрасту обнаружить такое всеобъемлющее, изумительно точное, подробное до мельчайших деталей, необыкновенно разнообразное знание России, какое выказал Чехов уже в своих первоначальных рассказах.

Если бы вдруг исчезли все письма, мемуары, документы, газеты и журналы, неоспорящие к тогдашней России, эту Россию мы могли бы восстановить, как из пеняла, весь её живой доику, в мельчайших подробностях её бытия по этим мелким чеховским рассказам... Не зря исколесил он всё от Перми до Кубани, от Днепра до Амура, от Баку до Ипоно-Николаевска, и пользавався каждой минутой, чтобы ещё ближе изучить её быт; он неустанно пополнял свои знания, и к тому времени, как он воротился из Сахалина, а уже знала её лучше, чем все, взятое вместе, беллетристики его эпохи.

Как это ни странно звучит, имея из них даже выдвиг в этом его недостатке. Один известный романист вскоре после его смерти писал:

«Он увидела Россию ясное, чем кто-либо, но прогледая Европу, прогледая мир... Этот презрительный композит не понимала, что Чехов почему-то и сделался всемирным и всевропейским писателем, что он так глубоко вошёл в русскую почву, ибо творчество всякого великого мастера, будь то Моцсарт или Гогарт, или Шопен, или Уитмен, лишь тогда становится достоянием всего человечества, когда в центре его космоса — родина».

Чехов и наружность, и биография, и творчеством — типичнейший из русских людей. Он представитель нашего народа пред всем человечеством. Вот почему в ноябре 1941 года товарищ Сталин в своей незабываемой речи назвал его имя в числе самых выдающихся и любимых нами, которыми вправе гордиться весь русский народ.